

Татьяна Александровна Павлова
УРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИДЕИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ВТОРОЙ АНГЛИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ
Сборник статей
памяти Бориса Федоровича Поршнева
М.: «Наука». 1976. С. 100-123
Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011
Тематические материалы даны нами после статьи

Как и всякий критический, переломный момент в истории человечества, Английская революция XVII в. в короткий срок заставила самые различные слои общества с максимальной полнотой и четкостью выразить свою социальную сущность, свое кредо. Такое неожиданное и яркое самораскрытие, воплотившееся в религиозных учениях, философских доктринах, политических и правовых теориях, конституционных проектах и, наконец, в эгалитарных утопиях, делает особенно интересным изучение общественной мысли периода революции.

Высшим достижением социальной идеологии наиболее демократических слоев английского народа, а именно его крестьянско-плебейских низов, явилось, несомненно, учение великого утописта Уинстенли. Это учение созрело и родилось в пору максимального подъема движения угнетенных масс и по сути своей шло значительно дальше непосредственных требований буржуазной революции.

Однако гениальными прозрениями Уинстенли и даже движением диггеров в целом не исчерпывается история социальной идеологии народных масс в Англии эпохи революции — это превосходно показано в книге М. А. Барга¹. И здесь поле деятельности для историка поистине огромно. При этом, разумеется, те или иные социалистические или эгалитарные доктрины, социальные и политические утопии и т. п. должны рассматриваться в тесной связи с конкретной революционной действительностью, с изменениями политического и социально-психологического климата в стране, которыми, как известно, была столь богата Английская революция.

Но здесь уже мы сталкиваемся с немалой методологической трудностью, проистекающей от слабой разработки некоторых общих и в то же время принципиальных вопросов истории революции. Я имею в виду вопрос о периодизации Английской буржуазной революции, до сих пор не решенный в нашей науке. В отечественной историографии глубоко изучены узловые проблемы

Английской революции XVII в., создано целостное учение о ее причинах, развитии и результатах, но не рассматривается тем не менее ее периодизация. Только Г. Р. Левин попытался решить эту задачу, выделив три периода в событиях 40-х—50-х годов XVII в. в Англии. Началом революции он считает выступление народных масс в Лондоне весной 1641 г., поддержанное крестьянскими волнениями летом того же года. Второй период — это период гражданских войн 1642—1649 гг., увенчавшийся буржуазно-демократическим этапом (он ознаменовался казнью короля и установлением республики в Англии). Затем происходит закрепление буржуазией и джентри своих завоеваний в республике 1649—1653 гг. и подавление классами-союзниками революционных сил (левеллеров и диггеров). Это — третий период революции. Разгон Кромвелем Малого парламента и установление военной диктатуры протектората Г. Р. Левин считает концом революции².

Как видим, при такой периодизации из истории революции полностью выпадают бурные события конца протектората, народные движения 1658-1659 гг.; смысл истории Второй английской республики остается неясным. Между тем сейчас уже можно считать общепризнанным фактом новый значительный подъем политической и общественной активности различных демократических слоев населения весной и летом 1659 г., в период установления Второй республики³. Показателем этого служит не только мощное нарастание петиционного движения, сравнимое с годами наивысшего подъема революции, не только нескончаемый поток памфлетной литературы и всякого рода бесцензурных изданий, предлагающих различные демократические реформы и самые разнообразные, порой фантастические проекты государственного устройства Англии⁴, не только, наконец, значительный подъем народных сектантских движений, и прежде всего движения за отмену церковной десятины и установление полной свободы совести в стране, — но и сам по себе факт возвращения Англии к рес-

² Г. Р. Левин. К вопросу о периодизации истории Английской буржуазной революции XVII в. — *УЗ ЛГПИ им. А. И. Герцена*, т. III, 1955.

³ J. D. Jones. The English Revolution. An Introduction to the English History 1603—1714. London, 1931, p. 91; D. Ogg. England in the Reign of Charles II, vol. I. Oxford, 1962 (first ed. 1934), p. 2; M. James. The Political Importance of the Tithes Controversy in the English Revolution 1640—1660. — *«History»*, vol. 26, № 101, June 1941; J. Maclear. Quakerism and the End of the Interregnum. — *«Church History»*, vol. 19, 1950, № 4; A. H. Woolrych. The Good Old Cause and the Fall of the Protectorate. — *«Cambridge Historical Journal»*, vol. 13, № 2, 1957; *idem*. The Collapse of the Great Rebellion. — *«History today»*, vol. VIII, 1958, № 9; Т. А. Павлова. Вторая английская республика. М., 1974, стр. 84—140.

⁴ Если за 1658 г., последний год существования протектората, в каталоге Томасона было собрано 282 памфлета, то за 1659 г. этот каталог упоминает уже 652 названия. См. *Catalogue of the Pamphlets, Books, Newspapers and Manuscripts relating the Civil War, the Commonwealth and Restoration, Collected by George Thomason, 1640—1661*, vol. II. London, 1908.

¹ М. А. Бург. Народные низы в Английской буржуазной революции XVII в. М., 1967.

публиканскому образу правления в лице индипендентского Долгого парламента.

Уже в последние месяцы протектората Ричарда Кромвеля наблюдается рост надежд на осуществление демократических реформ, не проведенных Первой республикой. Возрождаются идеалы мелких и средних собственников, которым протекторат принес бесправие, налоговый гнет, упадок торговли, засилье военщины, террор и преследования. Народные массы вновь начинают оказывать заметное влияние на ход событий. После роспуска парламента Ричарда Кромвеля в апреле 1659 г. вставший у власти Совет офицеров был буквально засыпан петициями и адресами от младших офицеров армии, от тысяч солдат и различных групп гражданских лиц с требованием аннулировать «Петицию и Совет» — конституцию протектората и созвать Долгий парламент⁵. «Каждый день, — записывал в те дни венецианский посол, — появляются листки и ремонстрации от солдат и других, выражающие желание и доказывающие разумность его (Долгого парламента. — *Т. П.*) возвращения»⁶. В архиве Кларка сохранилось письмо, автор которого свидетельствует, что «все младшие офицеры армии и целые полки солдат вручали с этой целью петиции, и почти все благонамеренные лица сосредоточили на этом свои усилия»⁷.

Социальный состав этого движения был довольно широким. В нем отчетливо выделяются два мощных потока, идущих параллельно: армейское движение солдат и младших офицеров и движение гражданских буржуазно-дворянских собственников, выигравших революцию и некогда служивших опорой Долгому парламенту. Для этих боявшихся народа новых собственников установление республики 1649 г. было «наименьшим из зол». Что же касается первого потока, то среди армейских республиканцев наблюдается оживление революционных настроений: в ряде полков появились агитаторы⁸; многие современники пишут о подъеме активности левеллеров⁹. До нас дошел памфлет, написанный од-

ним из бывших левеллеровских агитаторов Уильямом Алленом, в нем ситуация весны 1659 г. уподобляется обстановке 1647—1648 гг., когда страна переживала упадок и раздиралась внутренними противоречиями. Целью памфлета было напомнить читателям, в первую очередь солдатам и офицерам, об их встрече 29 апреля 1648 г. в Виндзоре, на которой под влиянием левеллеров было принято решение о виновности Карла I и привлечении его к суду, как «кровавого преступника»¹⁰.

Третьим могучим потоком, приведшим к возвращению республиканских порядков в Англии, было сектантское движение, объединявшее крестьянско-плебейские низы английского народа. С роспуском парламента многочисленные сектантские общины стали присылать в адрес Совета офицеров письма, в которых требовали вернуть страпу к «правлению святых» — сектантскому Малому парламенту, в свое время проводившему демократическую политику в интересах широких народных масс. Так, 26 апреля главнокомандующему Флитвуду была вручена бумага, авторы которой с восхищением вспоминали правление Малого парламента и советовали офицерам возвратить его к власти¹¹.

Под давлением всех этих сил в мае 1659 г. был восстановлен республиканский образ правления и к власти вернулось разогнанное Кромвелем в 1653 г. «охвостье» Долгого парламента. Это было по существу установлением Второй республики, которая в отличие от протектората, близкого по структуре правления к военной диктатуре, была в какой-то мере возвращением к революционным республиканским традициям 1649 г.

И здесь после вторичного провозглашения республики в Англии мы наблюдаем новый резкий подъем общественного сознания. Для всех групп, так или иначе принимавших участие в реставрации Долгого парламента, самый этот парламент мыслился не как цель, а как средство установления нового, «справедливого» правления. Этим и объясняется небывалый расцвет самых разнообразных утопий, конституционных проектов, политических трактатов, петиций, ежедневно выходивших из печати и вручавшихся парламенту. Наиболее яркой отличительной чертой всех этих документов была их злободневность; люди еще раз поверили в возможность скорого и радикального изменения политического и общественного строя; эта вера придавала необычайную остроту их требованиям.

Трудность исследования источников такого рода заключается в том, что мы имеем дело не с законченными проектами, не с продуманными стройными системами, принадлежащими перу вы-

⁵ Clarke Papers. Selections from the Papers of William Clarke (далее — *Clarke*), vol. III. London, 1899. p. 214; vol. IV. London, 1901. p. 3; *E. Ludlow*. Memoirs (далее — *Ludlow*), vol. II. Oxford, 1894, p. 73; *J. Thurloe*. Collection of the State Papers (далее — *Thurloe*), vol. VII. London, 1742. p. 666.

⁶ Calendar of State Papers and Manuscripts, relating of English affairs. Existing in the Archives and Collections of Venice and the other Libraries of Northern Italy (далее — *Calendar Venetian*), vol. XXXII. 1659—1661. London, 1931. p. 17.

⁷ *Clarke*, III, p. 214.

⁸ *E. Nicholas*. Correspondence (Nicholas Papers), vol. 4 (1657—1660). London, 1920, p. 122; *Thurloe*. VII, p. 666; *E. Clarendon*. State Papers, collected by... (далее — *CSP*), vol. III. Oxford, 1786, p. 442.

⁹ *Thurloe*, VII, p. 627; *CSP*, III, p. 430. Один из современников, например, в конце марта сообщал, что левеллеры «послали агитаторов в каждый полк английской, шотландской и ирландской армий и встречаются каждый день» (*CSP*, III, p. 442).

¹⁰ *W. Allen*. A Faithful Memorial of that Remarcable Meeting of Many Officers of the Army in England, at Windsor Castle, in the Year 1648.— «Somers Tracts», vol. VI. London, 1841, p. 498—504.

¹¹ *L. F. Brown*. The Political Activities of the Baptists and Fifth Monarchy Men in England during the Interregnum. Washington, 1912, p. 177—178.

дающихся мыслителей, а с элементами *массового* сознания, включающего в себя в сложном переплетении социальные, психологические, политические, религиозные, эсхатологические, гуманистические, рационалистические и многие другие моменты, нелегко поддающиеся вычлениению. Предмет данного исследования — идейная жизнь демократических слоев населения в период Второй республики, и именно та сфера ее, которая наиболее полно выразила социальные чаяния народных низов. Иными словами, задача настоящей статьи — попытаться обрисовать ту питательную среду (социальную и идейно-психологическую), которая рождала мысль об уравнивании или обобществлении собственности. И здесь придется рассматривать вопрос в двух аспектах: социально-политическом и идейном. Ибо мысль об установлении строя «всеобщего равенства и справедливости» рождалась, с одной стороны, из конкретных политических и социальных требований крестьянско-плебейского лагеря Английской революции, а с другой — из эсхатологических представлений о тысячелетнем царстве Христа на земле и из рационалистических правовых построений.

* * *

Новое значительное оживление борьбы народных низов за осуществление своей программы в революции — наиболее яркая отличительная черта истории Второй республики. Выразителями идей крестьянско-плебейского лагеря были, как и в период подъема революции, члены народных еретических сект. Именно сектантские документы дают в этот период представление о программе народных низов и о степени их готовности к борьбе за осуществление этой программы. Народные низы ожидали от Долгого парламента проведения демократических реформ: установления краткосрочных, часто переизбираемых парламентов, радикальной реформы суда, законодательства, магистратов, гарантии полной свободы совести, отмены церковной десятины и других обременительных налогов, в частности акциза. Но главными и характерными были самые существенные для жизни народа требования, составлявшие основное содержание крестьянско-плебейской аграрной программы в революции: отмена наиболее обременительного пережитка феодализма — копигольда — и возвращение бедным отнятых у них лордами-огораживателями общинных земель. К этим главным пунктам примыкали не менее важные требования решения проблемы пауперизма, в частности обеспечения бедняков работой и запрещения ареста за долги, а также предложения ревизовать огромные состояния, нажитые за годы революции.

Так, авторы одного из адресов требовали установить полную свободу совести для всех, кто исповедует христианскую религию, каких бы мнений они ни придерживались; гарантировать невмешательство властей в религиозные вопросы. «Никто не должен быть заключен в тюрьму по делам совести, — говорилось в адре-

се, — или как преступник иначе, чем по законной процедуре и суду равных ему. Все, кто был незаконно арестован или осужден, должны быть выпущены из тюрем»¹². Парламент подчиняется законам нации, срок его полномочий следует строго ограничить (не более одного года), и он должен принять меры для возрождения торговли в стране. «Все бедные, больные, старые, слепые..., просящие подаяния на улицах» должны быть обеспечены за счет государства. Наконец, в этом адресе содержалось требование, «чтобы те, кто обманным путем накопил огромные состояния, скупив у солдат данные им «обязательства» (плату за их кровь) или какими-либо нечестными путями или средствами злоупотребляли и обманывали нацию в качестве членов комитета, сборщиков акциза, казначей, секвестратора и коллектора, могли быть подвергнуты обследованию для выяснения того, каким образом они получили такие состояния»¹³.

Интересно, что этот документ заканчивался призывом ко всем честным и преданным «доброму старому делу» англичанам раз в неделю собираться на могиле Джона Лилльберна, чтобы рассматривать и обсуждать страдания народа и меры их облегчения, а также «чтобы лучше знать друг друга и объединяться в этом божеском деле»¹⁴. Очевидно, адрес был составлен людьми, так или иначе связанными в прошлом с левеллерами и мечтавшими возродить их традиции.

В «Смиренной репрезентации и петиции различных защитников «добраго старого дела», населяющих графство Бекингем»¹⁵, выражалась надежда, что Долгий парламент «в самом скором времени установит свободное государство или республику столь же на деле, как и по названию». Авторы петиции требовали «постоянной сменяемости народных представителей в парламенте», окончательной отмены права вето по отношению к решениям парламента; увольнения с государственной службы «продажных» и «не преданных делу республики» чиновников и назначения на их место «смещенных ранее», ликвидации «всех законов и ордонансов, устанавливающих власть над народными представителями одного лица, короля или палаты лордов». Петиция заканчивалась требованием, чтобы парламент уничтожил «все виды угнетения и тирании в области религии и собственности, а также устранил великое бремя десятины и копигольда, предварительно возместив (убытки) тем, кто имеет в этом интерес собственности»¹⁶.

23 мая в парламент был представлен адрес, содержащий предложения: «Отменить акцизы и налоги и другие средства угнетения народа», открыть двери тюрем и дать свободу всем заклю-

¹² «The Faithfull Scout», 13—20.V 1659.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ «Mercurius Politicus», 29.V—2.VI 1659.

¹⁶ Ibidem.

ченным за долги с тем, чтобы они смогли отработать причитающиеся с них деньги; помочь бедным получить работу, для чего государство должно ассигновать из своего бюджета 500 тыс. ф. ст.¹⁷

В конце мая — начале июня армия вручила парламенту петицию об отмене держаний по копии и освобождении заключенных в тюрьму за долги и по делам совести. Парламенту предлагалось предписать богатым должникам уплатить свои долги, а бедных выпустить безвозмездно. Петиция была подписана многими тысячами солдат и «благонамеренных граждан»¹⁸.

Об оживлении деятельности сектантов в связи с созывом «охвостя» свидетельствуют их многочисленные приветствия, присылавшиеся в парламент в мае и июне 1659 г. В большинстве из них говорится, что наилучшим способом установления «царства божия на земле» является избрание подобного Малому парламенту правительства из представителей религиозных конгрегаций — наиболее «святых, способных, мудрых, набожных и благочестивых людей»¹⁹.

Как видим, основное содержание всех этих требований по существу своему антифеодально. Народные низы и здесь, как и в годы Первой республики, показывают себя единственно последовательными борцами за демократические преобразования. Требования демократизации политического строя и, главное, отмены наиболее обременительных пережитков феодализма в деревне носят буржуазно-демократический характер. Но среди них мы встречаем принципиально иные, хотя и робкие и непоследовательные, пожелания. Памфлетисты и составители петиций то и дело потрясают принцип незыблемости частной собственности, вторгаются в сферу владельческих отношений. То они требуют возвращения сельским общинам отнятых лордами-огораживателями земель, то настаивают на изъятии богатств, приобретенных «незаконным или нечестным путем», то рекомендуют безвозмездно отпустить из тюрем несостоятельных должников, то, наконец, протестуют против государственных налогов и церковной десятины. Очевидно, что такие требования представляют собой первые ростки нового, специфического сознания пролетарских слоев народа.

* * *

Требования низов были зачастую облечены в религиозно-мистическую форму. Так, требование республиканского устройства звучало как принцип «нет короля, кроме Иисуса»; злоупотребления чиновников и лендлордов трактовались как «зло и позор для имени божьего»; требование социальной справедливости выражалось в призыве «не только вернуть права народу, но вернуть

¹⁷ «The Weekly Post», 14—24.V.1659.

¹⁸ «The Weekly Intelligencer», 31.V—7.VI.1659.

¹⁹ L. F. Brown. Op. cit., p. 180—181, 187—189; «Mercurius Politicus», May — September 1659.

права Иисусу Христу, что важнее»²⁰. Такие общие формулировки могли толковаться весьма широко. Представители господствующих классов усматривали в них угрозу своим правам, и прежде всего праву частной собственности, — и не без основания, ибо религиозные верования крайних народных сект вряд ли можно считать лишь формой, подчиненной задаче выражения конкретных социальных требований. Не несло ли в себе религиозное сознание сектантов, хотя бы и опосредованно, некий социальный момент, некую угрозу для богатых и власть имущих?

Ответ на этот вопрос уже дан в монографии М. А. Барга²¹. Большинство плебейских сект, носителей революционной потенции народных масс, воззрения которых подвергаются анализу в этой книге, активно действовали в Англии и в конце 50-х годов, и все, что сказано о них, сохраняет свое значение и для интересующего нас периода. Здесь остановимся лишь на доктрине одной секты — квэкеров, и не только потому, что она в указанной книге не рассматривается, но главным образом по той причине, что именно эта секта и подавляющим большинством современников, и многими исследователями трактуется как наиболее радикальная и демократическая. О том же свидетельствуют и внушительные факты расправ, учинявшихся над квэкерами как местными властями, так и «благонамеренными жителями»²².

Кроме того, воззрения квэкеров во многом повторяют взгляды других народных сект этого периода — милленариев, фамилистов, рантеров, сикеров и т. п.²³

Социальный состав квэкеров у большинства исследователей не вызывает сомнений²⁴. К ним принадлежали беднейшие слои

²⁰ L. F. Brown. Op. cit., p. 181. Примером туманной мистической формы, облекавшей программу сектантского лагеря, является вышедший в конце августа памфлет «Пятая монархия, или царство Христа, утверждаемое в противовес царству Зверя». Автор его требовал от парламента, чтобы «господь Иисус Христос (чьим именем и чьим благословением и силой великие дела были совершены среди нас против тирании в гражданских и антихристианства в церковных делах) мог быть публично объявлен единственным господином и королем, от которого, как от главы, исходит всякая власть, правление и авторитет, исключаяющие всякий другой титул»; и чтобы «законы этого великого царя, поскольку они записаны в Ветхом и Новом завете и остаются в силе после его смерти, были объявлены законами этой нации в противовес тому тираническому праву, которое было установлено силой». Средством осуществления «Пятой монархии» — царства Христа на земле — автор памфлета считал создание «правительства святых», подобного Малому парламенту. См. «The Weekly Post», 16—23.VIII.1659; L. F. Brown. Op. cit., p. 187.

²¹ М. А. Бург. Указ. соч., гл. II.

²² Достаточно прочесть журнал Джорджа Фокса, изобилующий описаниями разгона и избиения мирных квэкерских митингов (G. Fox. Journal, vol. I—II. London, 1905), или вспомнить судьбу Джеймса Нейлора, приговоренного за свои проповеди к публичному бичеванию, вырыванию языка и длительным каторжным работам.

²³ См. М. А. Бург. Указ. соч., стр. 69—97.

²⁴ Современники единодушно характеризуют их как «людей низкого сорта», «презренную часть человечества». См. CSP, III, p. 506; Calendar Do-

трудящегося населения города и деревни — мелкие лавочники, ремесленники, подмастерья, батраки, наемные рабочие, безземельные крестьяне-коттеры. О составе квакерских групп свидетельствует и то обстоятельство, что ни в одном сколько-нибудь значительном произведении квакерской литературы не обойдена молчаливым проблема обеспечения бедных.

Именно в этой народной среде и распространяется религиозный сепаратизм, стремление размежеваться с господствующей кальвинистской доктриной, обрести свободу хотя бы в сфере духа и провозгласить самостоятельную, «истинную» религию, отвечающую представлениям народных масс о справедливости.

В чем же заключались религиозные воззрения квакеров? Наиболее полно они были выражены основателем секты Дж. Фоксом и его соратником Э. Бэрроу. Основа этих воззрений — понимание бога как всемирной любви и истины, «океана бесконечной любви и жизни», который неизмеримо обширнее и могущественнее моря человеческого греха, ничтожества и отчаяния. Бог находится везде, он имманентен миру и человеку. Он не пребывает в храмах, построенных руками человека, и не находится вне человека. Каждый без посредничества церкви или «Священного писания» может войти с богом в духовное общение, открыв свое сердце «внутреннему свету» Христа. Все люди перед богом равны независимо от социальной принадлежности, расы, нации и пола. Каждый человек способен понять и принять бога, каждый волен освободиться от греха и упокоиться «Адаму до грехопадения». Таким образом, в отличие от кальвинистов-пуритан, квакеры преодолели доктрину избранничества и предопределения и пришли к идее всеобщего равенства.

Сам мистицизм квакеров носил социальный, демократический характер, был направлен на благо ближнего. Поскольку бог полон любви ко всем творениям и желает блага любому, то всякое выступление против человека, любое ущемление свободы и прав личности трактовалось как грех против бога. Ибо Христос, говорили квакеры, «пришел не разрушить человеческие жизни, но спасти их», и потому те, кто, будучи представителем власти, судьей или священником, «желают разрушать человеческие жизни», — «ниспровергают дело господне» и «недостойны называться ни властями, ни учителями»²⁵. Себя самих квакеры называли «друзьями общества внутреннего света» или просто «друзьями».

Хилизм квакеров, ожидание грядущего царства божия на зем-

mestic, 1658—1659, p. 358; J. Maclear. Op. cit.; квакеры и сами называли себя бедняками: «Though we are poor, yet shall we be made rich...» (E. Burrough. A Declaration from the People Called Quakers to the Present Distracted Nation of England. London, 1659, p. 14). Лишь Р. Вэнн опровергает это мнение: по его данным, ранними квакерами были в основном джентри, богатые торговцы, йомены [R. T. Vann. The Social Development of English Quakerism 1655—1755. Cambridge (Mass.), 1969, p. 49—55, 62, 71—73].

²⁵ E. Burrough, G. Fox. Good Counsel and Advice, Rejected by Disobedient Men. London, 1659, p. 47.

ле, также имел социальную окраску. Несмотря на то, что они в первую очередь обращались к духовному миру верующих, стремясь переделать, «очистить» человека нравственно, их деятельность не ограничивалась индивидуальными поисками «внутреннего света» и самосовершенствованием. Ожидание второго пришествия Христа и установления его царства — царства добра и любви — в их понимании должно быть преисполнено активности. Главную цель своей жизни Фокс и его последователи видели в том, чтобы переделать существующий мир и людей соответственно «духу Христа» с тем, чтобы воля бога стала волей человека и чтобы общество здесь, на земле, могло уподобиться царствию небесному²⁶. По сочинениям квакеров видно, что их мало волновал вопрос о личном спасении; напротив, все они горели желанием переделать мир, добиться справедливости, победить зло и неправду. «Помните, — писал Джордж Фокс, — что бог — внутри вас. Стойте за благо вашего народа. Уничтожайте всякое угнетение и устанавливайте справедливость для всех»²⁷.

Как видим, доктрина квакеров, понимаемая ими в духе переустройства мира и человека в согласии с принципами христианской любви, братства и свободы, сама по себе уже выражала стремление угнетенных классов к установлению социальной справедливости на земле. Правда, направляя основное внимание на внутренний мир человека, квакеры не пытались дать сколько-нибудь основательную критику существующего строя — и в этом их главное отличие от диггеров и их вождя Уинстенли. Основу мирового зла они усматривали в греховности людей, не желающих слушаться «слова божия внутри себя»²⁸. Кроме того, одной из ведущих максим их деятельности был принцип соблюдения мира во что бы то ни стало²⁹.

И тем не менее анализ квакерских памфлетов, относящихся к 1659 г., позволяет проследить и политическую теорию, и социальную программу. По отношению к государству квакеры придерживались следующих принципов. Вся власть на земле принадлежит богу (или Христу) и главный закон — закон бога; только им должна подчиняться душа человеческая³⁰. Нельзя повиноваться закону, противоречащему духу Христа. Светский владыка должен подчиняться верховной божественной власти и править согласно законам бога — законам мира, добра, любви и спра-

²⁶ См. W. C. Braithwaite. Op. cit., Introduction by R. M. Jones, p. XLII.

²⁷ Ibid., p. XLIII.

²⁸ В этом смысле взгляды квакеров действительно сближались с воззрениями ранних христиан. См. Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. М., 1971, гл. IX.

²⁹ Летом 1659 г., обращаясь с воззванием к братьям по вере, Дж. Фокс писал: «Все друзья... живите в мире, во Христе — пути мира, и в нем ищите мира для всех людей, а не вреда людям» (G. Fox. The Journal. Cambridge, 1952, p. 357).

³⁰ E. Burrough, G. Fox. Good Counsel and Advice, p. 46; E. Burrough. A Declaration..., p. 8, 44.

ведливости³¹. Он должен опираться на людей высокого духа, честных и справедливых, не зараженных корыстными устремлениями и не склонных преследовать ближних³². Всех тех, кто не отвечает этим требованиям, заботится лишь о своей выгоде и является тем самым «тягчайшим бременем для нации», следует безжалостно изгнать из правительства³³. Квэкеры требовали реформы законодательства³⁴ и, разумеется, полной свободы совести, а также свободы собраний и передвижений по стране³⁵. К форме же государственного правления квэкеры относились в этот период равнодушно. Их идеалом было теократическое устройство общества, где высшим законодателем и сувереном, как и у древних иудеев, являлся бы сам господь бог. Земным же правителем мог быть кто угодно — протектор, парламент или король³⁶, — важно, чтобы он был послушен голосу всевышнего и повиновался его законам. Отличие этой теократии от аналогичных проектов современников заключалось в том, что квэкеры отрицали всякое насилие над людьми со стороны государственной власти³⁷.

Что касается социальной программы последователей Фокса, то в центре ее, безусловно, стояла проблема бедности. Из известных нам квэкерских документов нет ни одного, который так или иначе не затрагивал бы эту проблему. «О, друг., — писал Фокс, обращаясь к Ричарду Кромвелю в начале 1659 г., — существует столько нищих, калек, слепых, хромых мужчин и женщин и детей у них на руках, женщины лежат с детьми там и сям в каждом углу, на улицах и проезжих дорогах и на папертях, по всему этому громадному богатому городу, который никогда не ведал нужды, и многие из них не знают, что есть и пить и что надеть на себя...»³⁸.

Для решения этой более всего волновавшей их проблемы квэкеры в 1659 г. предлагали ряд радикальных мер. Они требовали отмены системы штрафов и феодальных платежей лордам. В трактате «Пятьдесят девять пунктов», вышедшем вскоре после падения Ричарда Кромвеля, Фокс предлагал экспроприировать все крупные здания с тем, чтобы сделать их «домами милосердия», и использовать церковные земли и богатства для нужд бедняков. «И пусть все штрафы, принадлежащие лордам манов-

ров, — писал Фокс, — будут отданы бедным людям — ведь лорды и без того имеют достаточно»³⁹.

Другим радикальным средством борьбы с бедностью квэкеры считали создание общественного фонда, предназначенного для обеспечения нуждающихся, из поступлений от церковной десятины. «Я говорю, — писал Фокс, — десятины этой нации дали бы и чужестранцам, и сиротам, и вдовам, и священнослужителям вполне достаточно, и если бы создать (общественные) склады, чтобы содержать там (эти поступления), (в стране) не было бы нищих...» Так было установлено среди истинных христиан, продолжает Фокс, еще в апостольские времена, и «не было нужды среди них, ибо каждый имел все, что ему необходимо»⁴⁰. Проповедники же слова божия не должны требовать себе десятины: «Пусть они идут сначала сеять, и пахать, и молотить, и пастись стада, и тогда только пусть они пожинают плоды и едят, ибо таков совет апостолов»⁴¹.

Церковная десятина была самым обременительным побором. Во многих местностях она значительно превышала десятую долю урожая⁴². В годы революции, тем более после отмены епископата и церковных судов, десятина стала особенно ненавистна народу; в парламент неоднократно вносились предложения об ее отмене. Десятина не была исключительной привилегией духовенства: правом на нее со времен Генриха VIII обладали многочисленные светские собственники, в большинстве своем джентри⁴³. Таким образом, требуя превращения десятины в общественный фонд, квэкеры тем самым требовали обобществления существенной части доходов новых собственников.

Фокс высказывал и еще одно любопытное пожелание, касающееся борьбы с бедностью. В 1658 г. в обращении к купцам и торговцам Лондона он рекомендовал, чтобы они «отложили немного от своего изобилия, и если бы имелось специально отведенное место, чтобы все бедные, слепые, хромые, калеки могли быть собраны туда и чтобы там были сиделки, которые бы ходили за ними, заботились и смотрели, чтобы те ни в чем не имели нужды; и чтобы те, кто может работать, получили бы там работу». В другом документе, составленном в 1659 г., отвечая на вопрос: «Как же будут жить бедные, если мы не будем носить (произведенные ими) кружева, и золото, и серебро, и ленты на нашей одежде?» — Фокс писал: «Отдайте им те деньги, которые вы тратите на все эти пышные украшения и бесполезные вещи, чтобы прокормить их, и тогда они смогут жить без того, чтобы созда-

³¹ E. Burrough, G. Fox. Good Council and Advice, passim.

³² Ibid., p. 47.

³³ Ibid., p. 50—51, 60.

³⁴ Ibid., p. 42.

³⁵ Ibid., p. 44, 47, 60, 62 а. о.

³⁶ Этим объясняется тот факт, что в момент реставрации короля квэкеры послали ему полное доброжелательства и в то же время наставительное обращение — подобно тому, как они посылали обращения к протекторам Оливеру и Ричарду, к Долгему парламенту и т. п. См. E. Burrough. A Visitation of Love unto the King and those Called Royalists. London, 1660.

³⁷ W. C. Braithwaite. Op. cit., p. 481—482.

³⁸ G. Fox. To Richard Cromwell, protector (so called). — In: E. Burrough, G. Fox. Good Council and Advice, p. 48.

³⁹ J. Maclear. Op. cit., p. 254.

⁴⁰ G. Fox. To Richard Cromwell, p. 48—49.

⁴¹ Ibid., p. 50.

⁴² M. James. The Political Importance of the Tithes Controversy in the English Revolution 1640—1660. — «History», vol. 26, № 101, 1941, p. 2.

⁴³ В одном вышедшем в 1659 г. памфлете говорилось, что из 9284 приходов Англии 3845 (т. е. 41,37%) утратили право на десятину, и это право тем или иным образом перешло к светским собственникам (ibid., p. 4).

вать предметы суеты..., и благодаря этому и вы будете жить, и они также будут жить»⁴⁴. Не превосходят ли эти рекомендации проекты кооперативных товариществ Корнелиуса и Ковелла, а позже — Беллерса, краеугольным камнем существования которых также были добровольные пожертвования состоятельных людей?

Наконец, квэекеры требовали открыть двери долговых тюрем, покончить с рабством в колониях, отменить акцизы и другие государственные налоги. Фокс отрицал все виды войн (квэекеры вообще отказывались носить оружие) и выступал против любых общественных различий, отрицал почести, обращение на «вы» к кому бы то ни было и т. п.⁴⁵

Как видим, доктрина квэекеров, их социальная и политическая программа, вытекающая из религиозных постулатов, создавали ту идейно-психологическую среду, которая питала существовавшую в умах определенной части общества мысль о коренном переустройстве мира, обобществлении или уравнивании собственности. «Не удивительно поэтому, — писал В. П. Волгин, — что именно в квэекерской литературе и среди квэекерских изданий мы находим в том же XVII в. два литературных произведения, имеющих известное значение для дальнейшего развития социалистических идей»⁴⁶. В. П. Волгин имеет здесь в виду произведения Питера Корнелиуса и Джона Беллерса, первое из которых имеет прямое отношение к нашей теме (см. ниже, стр. 118—122).

Здесь же добавим, что и сами формы протеста квэекеров против социальной несправедливости наносили чувствительный урон господствующим классам. Достаточно перечислить те обвинения, которые выдвигались против «друзей» судьями, представителями местной знати и богачей, толпой, побивающей их камнями, «благонмеренными гражданами», тащившими их в тюрьму. Это нарушение богослужения в храме; неуплата церковной десятины; отказ почитать представителей власти; отказ приносить присягу; бродяжничество; нарушение «правил субботы»; отказ подчиняться обычной судебной процедуре; богохульство (доктрина «пробытия во Христе» понималась как претензия на святость), отказ от воинской повинности; «мятежи», «незаконные собрания» и «заговоры против правительства»; нарушение общественных приличий; колдовство⁴⁷. Уже этот перечень дает довольно полное представление о характере социального протеста квэекеров. Именно в этом твердом и бескомпромиссном стремлении «переделать мир любовью» можно усмотреть сходство квэекеров с диггерами, кото-

рые также избрали своей тактикой мирное неповиновение. Однако вершины диггерской социальной идеологии квэекеры не достигли. Это и неудивительно. Гениальные прозрения Уинстенли могли возникнуть лишь на подъеме великой революции, наполнявшей надеждами умы народа. Нельзя забывать, что Вторая республика, хотя и оживила чаяния масс, все же возникла уже после поражения Первой республики, после того как страна пережила железную тиранию протектората. В таких условиях люди вряд ли чувствовали в себе силы «начать все сначала» и снова пойти по революционному пути.

* * *

Третьим значительным пластом общественного сознания, так или иначе связанным с идеей передела собственности, был рационализм в сфере государственно-правовых теорий, который в период Английской революции начинал отвоёвывать позиции у религиозного сознания с тем, чтобы потом пышно расцвести в XVIII в. И здесь, конечно, прежде всего следует упомянуть имя Джемса Гаррингтона.

Гаррингтон после нескольких лет молчания, вынужденного свирепствовавшей в стране цензурой, весной и летом 1659 г. издает ряд новых трактатов, предлагающих проекты государственного устройства Англии⁴⁸. Эти трактаты повторяют основные принципы, изложенные в «Республике Оксании». Целью своей конституции Гаррингтон провозглашает «равную республику», соответствующую «балансу собственности», установившемуся в Англии после реформ Генриха VIII и преобразований революционной поры. К народу, «черни» Гаррингтон относится к глубоким недоверием. Народ консервативен, пишет он; даже когда монархия изжила себя и нет иного пути для страны, кроме республики или анархии, народ держится за старые обычаи или, наоборот, склонен к беспорядку⁴⁹. Целью республики является поэтому обуздание народа и ограничение его прав; главную роль в этом, по мысли Гаррингтона, должно было играть дворянство, призванное навечно закрепить установившееся после революции распределение собственности. Отсюда ярко выраженный аристократический характер гаррингтоновской конституции с ее разделением людей на два неравноправных класса (всадников и пехотинцев), многоступенчатыми выборами, назначением на все высшие государственные должности представителей дворянства и т. п. Цель конституции Гаррингтона — узаконить существующий строй, не допустить, с одной стороны, возвращения монархии, а с другой — продолжения народной революции.

И тем не менее проекты Гаррингтона показательны и важны для нас как сами по себе, так и в связи с тем исключительно

⁴⁴ W. C. Braithwaite. Op. cit., p. 253.

⁴⁵ E. Russel. The History of Quakerism. New York, 1913.

⁴⁶ В. П. Волгин. История социалистических учений, ч. I. М.—Л., 1928, стр. 181.

⁴⁷ E. Russel. Op. cit., Ch. 5. При анализе этих обвинений следует, конечно, учитывать, что, как и всякое сектантское движение, квэекерство обрастало и фантастическими сплетнями, и клеветой.

⁴⁸ См. Ю. М. Сапрыкин. Борьба Гаррингтона и его группы за республику.— СВ, вып. IX, 1957.

⁴⁹ J. Harrington. Works. London, 1737, p. 596.

широким влиянием, которое они оказали на современную им общественную мысль. Две идеи Гаррингтона имели существенное значение для развития социалистической мысли в Англии: это, во-первых, мысль о том, что форма государственной власти находится в прямой зависимости от господствующей в стране формы собственности, и, во-вторых, идея аграрного закона, призванного урезать крупную собственность. Именно эти две идеи были развиты в трудах последователей Гаррингтона, именно они оказались продуктивными в обосновании эгалитарных учений.

В качестве примера остановимся здесь на трактате Уильяма Спригга, представляющем собой как бы промежуточное звено между рационалистической конструкцией Гаррингтона и уравнительными проектами представителей народных низов⁵⁰.

Автор памфлета — младший сын управляющего одного из колледжей в Оксфорде. В 1655 г. У. Спригг окончил Оксфордский университет со степенью магистра свободных искусств и был избран членом совета колледжа сначала в Дареме, затем в Кембридже; имел адвокатскую практику. Известны его сочинения: «Философические опыты» (1657) и «Царственная и счастливая нищета, или Духовное размышление о блаженстве безгрешной и счастливой нищеты, основанное на V, 3 от Матфея и обращенное к пострадавшим в недавнем прошлом и настоящем» (1660). Трактат «Скромная просьба о равной республике, в которой кратко раскрыта истинная природа свободного государства» вышел в Лондоне 28 сентября 1659 г.

Первая часть этого трактата посвящена осуждению монархического строя и доказательству преимуществ республиканского правления. Монархия, по мнению автора, «лежит железным игом рабства и угнетения на вые народа». Король (как наследственный, так и выборный) никогда, по самой природе своей власти, не может быть добрым (I, 45)⁵¹.

Спригг не только отрицает абсолютную монархию, но развенчивает и конституционную. Если монарх или другой верховный правитель в королевстве не управляет, то зачем он? «Разве люди не могут объединиться в гражданское общество и жить в мире, заботясь о своем общем интересе и спасении, без того, чтобы выставить над собой пугало в виде «верховного владыки?» (I, 46). Подтверждая эти свои взгляды ссылками на священную историю, автор приходит к выводу: «Монархия — это просто вежливое название тирании» (I, 49).

Главным аргументом является, однако, другое. Повторяя и развивая основную принцип Гаррингтоновой теории, Спригг заявляет, что основой любого правления являются «интересы собственности». Правительство, имеющее «интересы», отличные от «ин-

тересов» народа, «более всего склонно к перерождению и имеет величайшее предрасположение к тирании и угнетению» (I, 45—46). «Баланс собственности», таким образом, и определяет способ управления страной. В Англии Генрих VIII конфисковал и распродал церковные земли, которые находились в распоряжении короля, были опорой правительства и составляли треть земель и богатств всей нации. Они перешли в руки тысяч частных людей, фригольдеров, что стало основой республиканского строя. Это коренным образом изменило роль палаты общин, которая превратилась из формального придатка королевской власти в представителя основной массы собственников. Задачу, стоящую ныне перед страной, Спригг видит в том, чтобы «попытаться так организовать республику, дабы она не имела склонности вторично возвратиться к монархии, как это было недавно; или к олигархии, что еще хуже, а также к анархии, худшей из всех трех; и установить прочную республику, охраняющую права и свободы народа, гражданские и религиозные, обычно неразрывно связанные...» (I, 56). В такой республике, по его мнению, заинтересованы все слои народа, кроме юристов, духовенства и наследственной знати.

По отношению к нобилитету автор трактата так же беспощаден, как и по отношению к монархии. Дворянство было создано, пишет он, в свое время монархами для поддержки собственного трона и «является не чем иным, как золотыми трофеями, добытыми путем грабежа народа и уничтожения его свобод» (II, 84). В настоящее время наследственная знать — это одна из тех крепостей, которые не были сокрушены с ликвидацией монархии и теперь «угрожают народным свободам» (там же); они своим существованием «обезображивают лик республики — лик равенства». И поскольку интересы этого общественного слоя «находятся в противоречии с интересами народа», поскольку нобили боятся народа, «враждебны его правлению и никогда от этой враждебности не откажутся», Спригг полагает, что лучший и скорейший путь обуздания их — поскорее воздать им за их обиды; ибо «измеряя жажду мести в других по величине своей собственной злобы, они никогда не поверят, что кто-то является им другом, пока тот не отомстит им за дурные перемены». Иными словами, для сохранения республики надо «обрушить их страхи на их собственные головы», т. е. экспроприировать их (II, 87—88).

Специальная глава в трактате посвящена духовенству. Здесь Спригг проявляет себя сторонником антиклерикализма⁵² и полной

⁵⁰ W. Sprigge. A Modest Plea for an Equal Commonwealth, against Monarchy. London, 1659.— In: Th. Spence. Pig's meat, or Lessons for the Swinish Multitude... Collected by the poor man's Advocate, vol. 1—3. London, s. a.

⁵¹ Первая цифра обозначает том, вторая — страницу.

⁵² «Я уверен, — пишет Спригг о священнослужителях, — что богу угодно дать ему (народу. — Т. П.) великое разоблачение продажности, гордыни, честолюбия и лживости этого сорта людей: того, как жаждут они пожирать свою собственную выгоду, хотя бы она и была посеяна и возвращена на руинах свободы и счастья нации; того, как хотели бы они продать своих братьев в рабство тиранам и угнетателям, дабы приобрести имения и власть!» (I, 77—78).

духовной свободы; он отрицает необходимость храмов, богослужения, церковных аксессуаров. Проповедником может быть всякий, кто чувствует бога в душе. Тот факт, что автор привержен доктрине внутреннего божественного света, который может воссиять в душе каждого, заставляет видеть в нем представителя одной из наиболее крайних неконформистских конгрегаций.

Основная ценность трактата Спригга заключается, однако, не в этих, довольно обычных для современной ему памфлетной литературы, положениях. Главное его острие направлено против «великого национального или гражданского разобщения», порожденного различиями в собственности, в «интересе» отдельных слоев общества. Не ограничиваясь осуждением богатства и роскоши, вызываемых алчностью, Спригг указывает на частную собственность и имущественное неравенство как на главную причину бедствий народа. Перед этим «великим разобщением» религиозные разногласия представляются ему несущественными. «Если бы не было так, — пишет он, — что знатные имеют один интерес, а простые люди — другой; духовенство — один, а миряне — другой; солдаты — один, а горожане — другой; старший брат — один, а младший — другой, то мы могли бы вскоре увидеть конец этого разобщения» (II, 89). Это различие «интересов», по мнению Спригга, и «творит мятежи в мире». Если бы оно было забыто, различия пресвитериан и индепендентов, квакеров и анабаптистов и т. д. скоро бы стерлись или, по крайней мере, не играли бы большой роли.

Таким образом, к спасению и счастью нации ведет установление «одного общего интереса для всех». Теоретической опорой для этого утверждения служит доктрина равенства всех перед богом. «Градации и степени» не должны быть человеческим установлением; они установлены природой и потому естественны. Ценность человека предстает перед нами в чистом виде — она не в богатстве, не в наследственных титулах и званиях, а в личных добродетелях каждого.

Избираться и править страной должны в соответствии с этим только лучшие, достойнейшие люди, независимо от их происхождения. «Я в душе могу платить дань уважения и воздавать почести худшим из тех, кто поднялся до высоких степеней и великих званий на крыльях собственных заслуг, нежели тем, которые родились, уже имея завещанные им добрую славу и имя своих предков» (II, 86).

Важно при этом, что равенство не мыслится автором в чисто политическом аспекте: равенство «интересов», уравнивание собственности является лейтмотивом всего трактата. Как мыслится установление этого равного «интереса» и «уравновешенной республики»? Выше мы видели, что первым шагом к этому Спригг считает беспощадную экспроприацию феодальной аристократии, нобилей («пусть их страхи падают им на голову»), по-видимому, путем конфискации или урезания их имущества («ибо они никог-

да не будут заботиться об интересе народа, пока не похоронят свой личный интерес и не будут вовлечены в общий интерес республики» — II, 87—88). Вторым шагом на этом пути является уничтожение феодального института майората. Одна из глав трактата называется «Защита младших братьев». Видя спасение республики в «уравнивании состояний» («levelling of estates» — I, 152), которое стало необходимым и возможным со времени реформ Генриха VIII, Спригг требует отменить обычай единонаследия, объективно отстаивая линию свободного, буржуазного развития земельной собственности.

Третьей и главной мерой по «уравниванию интересов» в республике Спригг считает введение аграрного закона. «Пусть будет введен, — пишет он, — неизменный аграрный закон, чтобы ограничить и положить предел ненасытным стремлениям к богатству, которые находим у жадных людей; что заставляет их не только присоединять поле к полю и дом к дому (как жаловались древние пророки), но и захватывать город за городом, приход за приходом, графство за графством и остров за островом» (III, 62). Это требование Спригг считает одним из важнейших элементов революции, без осуществления которого вся она теряет смысл. «Или целью нашей реформации (т. е. революции. — Т. П.), — пишет он, — было отдать всю землю в руки немногих собственников?.. И это — ценой всей нашей крови и (истраченных) сокровищ? Создать немного больше знатных семейств, увеличить число наших господ?» «Будут ли оценены по достоинству пот и труд бедного человека и не будет ли положен конец возвышению знатных семейств?» (III, 63). С горячностью, которую можно сравнить лишь с пафосом лильберновских «Новых цепей Англии», Спригг осуждает половинчатые, не удовлетворившие народ результаты революции. Мы вели долгие споры сначала о палате лордов, затем о сенате, пишет он, но «все это не стоит ломаного гроша, ибо есть палата лордов или нет ее — безразлично, если крупные лендлорды в каждом графстве постоянно избираются своими арендаторами и становятся нашими законодателями... Разве не все равно, имеем ли мы непрерывный парламент или преемственный, если выборы — это прежде всего выборы одних и тех же людей?» (III, 64).

Введение аграрного закона, ограничивающего собственность, Спригг предполагает осуществлять постепенно. В течение определенного времени, назначенного парламентом, все собственники, имеющие земли и богатства свыше установленной нормы, должны добровольно отдать излишки своим беднякам-родственникам или кому пожелают, либо обратить свои земли в движимость или избавиться от них каким-нибудь иным путем. По истечении этого срока «все налоги и государственные расходы возлагаются на тех, кто не сделал этого, до тех пор, пока их владения не снизятся до общего уровня или должной пропорции» (III, 65). Кроме того, к государству переходит имущество и в том случае, если

по наследству передается больше, чем установлено обязательной нормой. Таким образом будет создана справедливая республика «без разрушения ограды чьих бы то ни было владений» (там же).

Спритт, таким образом, не помышляет об уничтожении собственности вообще или ее обобществлении. Его идеалы не простираются дальше уравнивания состояний, и то произведенного с достаточной осторожностью. Умеренность и ограниченность данной программы очевидны. Однако такие важные социальные требования, как отмена десятины, реформа законодательства, освобождение бедняков из-под власти лендлордов, уничтожение сословных ограничений, а также эгалитаристское стремление «сделать богатых беднее», уравнивать собственнические «интересы» людей — сближают его с современными ему социалистическими утопиями, продолжающими линию крестьянско-плебейской программы в революции, идущую от диггеров и Уинстенли. Для всех программ и требований этого ряда, даже самых далеких от жизни или самых неопределенных, характерно одно: они поднимали и ставили на повестку дня вопрос, решения которого ждали от революции народные массы, — вопрос о правомерности существования эксплуататорского строя вообще и о необходимости коренным образом изменить основу этого строя — частную собственность.

К таким проектам относятся две чрезвычайно интересные утопии, появившиеся на свет в период Второй республики и как бы увенчавшие собою те смутные идеи и чаяния масс, о которых говорилось выше.

Эти утопии уже известны советскому читателю по книге М. А. Барга⁵³. Поскольку трактат Питера Корнелиуса «Способ, выдвинутый на обсуждение, как сделать бедных в нашем и других государствах счастливыми...» (28 мая 1659 г.) подвергается в этой книге обстоятельному разбору, остановимся лишь на некоторых самых общих моментах.

Характерной чертой трактата Корнелиуса является его полная утопичность — если под последней понимать оторванность от конкретной социально-политической действительности и неосуществимость. В самом деле, проект Корнелиуса предполагает социальное переустройство общества в рамках существующего строя. Главный шаг к этому — добровольные пожертвования имущих людей («отцов»). На основе этих жертвований организуются вольные кооперативные товарищества. Внутри них собственность обобщена и существует потребительский коммунизм, но если кто-нибудь захочет выйти из коммуны, он получает обратно свой пай плюс долю заработанной товариществом прибыли. Кроме того, полное обобществление собственности в товариществах

вообще необязательно: члены общества могут иметь частное имущество и частные доходы, из которых они за деньги могут покупать для себя более дорогие, чем у прочих, вещи (р. 11). Таким образом, «коммуна» Корнелиуса не предполагает имущественного равенства вообще: оно существует лишь в распоряжении коллективной собственностью. Внутри коммуны нет денег, поскольку там нет товарного обмена: все производят продукты сообща и по потребности делят произведенное, но коммуна может торговать с другими товариществами, с находящимся за ее пределами обществом и для этого, по-видимому, должна иметь установленный для всех единый эквивалент обмена. Члены общества трудятся по 6 часов в сутки, но общество может нанимать и рабочих со стороны, которые обязаны работать по 12 часов и которых оплачивают их труд, очевидно, деньгами.

Тот факт, что социально-критическая часть и аргументация трактата Корнелиуса предельно кратки, что он через голову реально существующего правительства обращается прямо к народу и к собственникам с призывом объединяться в товарищества, что, наконец, товарищества эти не преобразуют весь общественный строй страны, а сосуществуют с иным обществом, основанном на частной собственности, свидетельствует о разочаровании некоторых слоев сектантско-плебейского населения в возможности переделать мир путем правительственных реформ, с одной стороны, и революции — с другой.

Если трактат Корнелиуса, таким образом, отрицает возможность скорого социального переворота, то другой социально-утопический трактат той поры, наоборот, прямо обращен к вернувшемуся к власти индипендентскому Долгому парламенту.

В трактате сектанта Уильяма Ковелла «Декларация парламенту, Государственному совету и армии, показывающая беспристрастно причины человеческих волнений, безумия и беспорядков...» много общего с проектом Корнелиуса. Этот трактат также представляет собой проект организации кооперативных товариществ на основе обобществления собственности. Основное зло современного ему строя Ковелл усматривает в существовании бедности и богатства, порожденных жадностью. Он обличает корыстолюбие, роскошь, неумеренность потребления. «Каким образом, — пишет он, — вы, сильные, обрели столь много, в то время как другие имеют столь мало из того, что составляет мирскую славу? Ваши глаза заплыли жиром, вы имеете больше, чем можете пожелать для себя, создано ли это только для вас?» (р. 4). В подобных рассуждениях Ковелла, как и в трактате Корнелиуса, можно заметить зачатки классового сознания. Если Корнелиус замечает, что сильные мира сего обижают и угнетают бедный люд (р. 3—4), то Ковелл прямо пишет: «Сильные мира сего пожирают малых, крупные торговцы живут плодами, добытыми в поте лица ремесленниками, и изобретают бесполезные погремушки» (р. 8).

⁵³ М. А. Барг. Указ. соч., гл. VII. Данная работа содержит не только анализ двух трактатов, относящихся к периоду Второй республики, но и перевод этих трактатов на русский язык (См. Приложения). Далее ссылки даются на этот перевод.

Идейная основа проекта Ковелла носит религиозно-сектантский характер. Бог, почти отождествляемый с «благой природой», — добр, милосерден и любвеобилен по отношению к своему творению. Все люди без различия происхождения, нации, расы, пола равны перед богом. Духовное назначение человека в том, чтобы открыть в себе этот «источник божественной любви», прийти «во всеобщую божественную школу природы», которая является «божественным творением» (р. 4). Как типичный представитель сектантства, Ковелл идеалом общественных отношений считает жизнь раннехристианских общин; он требует полной религиозной терпимости, отрицает необходимость храмов и церковнослужителей, критикует духовенство. Ему, как и Корнелиусу, представляется, что народ «испортился», отошел от первоначальной естественной жизни, от «школы природы»; ему свойственна идеализация прошлого крестьянской общины; он призывает людей «вернуться назад», «к богу и природе» (р. 14).

Наконец, общими в трактате Ковелла и Корнелиуса являются некоторые принципы организации коммун. Ковелл также полагает, что первоначальный капитал общества может быть составлен из добровольных пожертвований неких богатых «отцов». «Пусть некоторые богатые люди, — пишет он, — отдадут из обилия (своих богатств) некоторые земли и имущества для создания общественного фонда с тем, чтобы они никогда не ожидали ни возвращения основного капитала, ни получения прибыли» (р. 11). Внутри товарищества царят равенство и демократия (правители его избираются сроком на один год). Все его члены одинаково трудятся для производства предметов потребления. «Единственная цель заключается в том, чтобы все люди могли пользоваться трудом друг друга из первых и наилучших рук с миром и покоем и с наименьшими трудностями» (р. 13). Потребление в коммунах — коллективное. Все произведенное в общине Ковелла хранится на складах; все необходимое раздается членам общины даром; излишки продаются или обмениваются за пределами общины. Внутри нее купля-продажа отсутствует, деньги и другие ценности уничтожены (р. 14); если же возникает необходимость обмена товарами внутри одной общины или между разными общинами, «пусть кусочек дерна величиною примерно с орех дается в качестве символа и для обмена товаров» (р. 10). Собственность, как и у Корнелиуса, не уничтожается сразу и не обобществляется вся: «отцам», основавшим товарищество, разрешается иметь свою земельную собственность, которую они могут «увеличивать... и передавать по своему завещанию жене, детям или друзьям» (р. 12).

С другой стороны, трактат Ковелла имеет по сравнению с проектом Корнелиуса существенные отличия, которые тем интереснее для нас, чем ближе они связывают его проект с современной ему действительностью. Основным таким отличием является то, что в «Декларации» налицо конкретная социально-политиче-

ская программа, содержащая требования текущего момента, что полностью отсутствует в трактате Корнелиуса. Уже само название сочинения Ковелла показывает, что оно обращено к реально существующей власти — парламенту, Государственному совету и армии, — и предлагает способ «излечения недугов» страны. И в тексте он пишет: «Поэтому парламенту и армии, армии и парламенту вместе взятым, которые являются доверенными народа, я заявляю, что к ним я обращаюсь в первую очередь, один должен это дело совершить, а другой следить, чтобы оно было совершено» (р. 7).

Ковелл требует от властей немедленно установить в Англии «равную и справедливую» республику «на деле» и подробно объясняет, что он под этим понимает. Это, во-первых, создание «всеобщего правительства», равно представляющего все сословия. Во-вторых, это экономическое равенство: необходимо дать «равные привилегии всем обществам и мануфактурам, без ограничений или исключений», и «уничтожить корпоративные хартии» (р. 8). Это, далее, провозглашение полной веротерпимости, «прекращение гонений за веру», отмена прав церковных властей: «Если кто-нибудь хочет слушать приходских священников, предоставьте им иметь таковых и оплачивать их содержание» (р. 9). Ковелл не останавливается, как многие сектанты, на этом требовании и идет дальше: «Пусть из десятины уплачиваются общественные долги, а оставшееся должно быть использовано для благотворительных нужд и создания фонда для защиты нации от ее врагов». Он предлагает также использовать для общественных нужд те деньги, которые употребляются на ремонт и украшение храмов (там же).

Продолжая традиции диггеров, Ковелл отстаивает крестьянско-плебейскую аграрную программу. Он требует обработки всех пустующих земель. Завершая свой трактат, он еще раз повторяет: все пустующие и общинные земли должны быть «переданы бедным навсегда» (р. 21). Что касается прав лордов, то «патенты и пожалования королей лордам маноров необходимо тщательно расследовать, ибо они являются узурпацией прав народа: лорды пустошей известны своей жестокостью по отношению к бедным, в некоторых местах они не разрешают беднякам собирать даже вязанку хвороста» (р. 9). Так в скрытой форме выражено требование передела собственности, исходившее от наиболее революционно настроенных низов английского народа.

Республика должна позаботиться о своих бедняках еще и другим способом: Ковелл предлагает в местечке Эндфилд выделить из общинных земель 500 акров, на которых приход мог бы построить «24 богадельни для престарелых и работные дома для молодых, где должны быть основаны мануфактуры, в которых безработные люди могут быть посажены за работу». Оставшиеся общинные земли Ковелл считает нужным «разделить между общинниками для обработки» и добавляет, что так следовало бы

сделать «повсюду в Англии» (р. 10). Этим Ковелл не ограничивается. Он, как и Спригг, требует отмены майората и восстановления старинного, донормандского обычая — гавелкинда, по которому «владения, приобретенные трудолюбием родителей, доставались поровну их сыновьям» (р. 17), а также установления пропорционального налога на имущество («чтобы богатые платили в соответствии с их владениями»).

Памфлет Ковелла, таким образом, содержит в себе не только и не столько утопический проект, но широкую программу социальных преобразований, как направленных на решительное уничтожение феодальных пережитков (отмена цеховых привилегий, майората, прав лордов маноров, церковной десятины), так и содержащих стихийные эгалитарные устремления, попытки — правда, робкие — передела собственности в пользу бедных; таковы требования передачи иеимущим общинных и пустующих земель, прогрессивного налога на имущество, программа общественного обеспечения бедных. В этом последнем смысле можно считать проект Ковелла — правда, с оговорками — продолжением диггеровских традиций в Английской революции.

В том, что «Декларация» Ковелла ближе к диггеровским традициям, чем отвлеченно-утопический проект Корнелиуса, нас убеждают еще две ее существенные черты. Во-первых, Ковелл не отрицает революционного пути переустройства современного ему общества. Его трактат содержит ряд намеков на то, что, если парламент и армия не осуществят необходимых преобразований, бедняки сами попытаются установить справедливые порядки. Законы, пишет Ковелл, «являются лишь созданием людей и ими же могут быть уничтожены, если они захотят» (р. 19). В другом месте он заявляет: «Бедные стали так угнетаться, что они скажут вам прямо в глаза, что они будут добиваться своих прав любыми средствами и что быстрая смерть лучше, чем медленная смерть; и действительно, им ничто не угрожает, кроме смерти на виселице (если они восстанут на своих господ.— *Т. II.*), а это не страшнее, чем смерть от голода» (р. 17—18). Обличение автором «Декларации» богатых и власть имущих подчас насыщено пафосом и даже содержит угрозы: «Где вы, знатные дамы? Вас не найти на обработке шерсти и льна; это слишком унижительная работа для вас, но вас легко узнать везде по гордости и тщеславию и т. п.» (р. 17). «Здесь найдется дело для всех богатых: для королей, знатных, для леди и джентри...» (р. 13). «Прошу вас, скажите мне, как могут работать с удовлетворением пахари или ремесленники, которые приносят пользу, когда все эти праздные и бесполезные люди зависят от них и в то же время превратили их в самых презренных людей нации» (р. 8). И наконец: «Отделяй угнетателя от угнетенного и захватывай средства угнетения» (р. 14).

Во-вторых, если Корнелиус ставит точку на создании кооперативных социалистических товариществ в рамках существую-

щего строя, то Ковелл считает свои «общины» лишь средством для тотальной перестройки всего общества на началах равенства и справедливости. Организация «обществ» — лишь первый шаг на пути такой перестройки. Вскоре после их создания «общества увеличатся до четырех или пяти в каждом приходе», «люди поймут их выгоду» и «придут в эти общества со своими землями и имуществом, и постепенно вся земля станет раем» (р. 12). Нельзя не отметить, однако, и поток пессимизма, пронизывающих трактат. Полные горечи и эсхатологического пафоса восклицания говорят о настроениях усталости и неверия в победу, овладевавших народными низами на закате революции (р. 10, 15).

* * *

Мы видим, что в конце 50-х годов XVII в. в Англии возрождаются наиболее левые, наиболее радикальные требования революции, несущие в себе не только антифеодальное содержание, но и отражающие стремление обездоленных покончить с эксплуататорским строем вообще. Эти элементы сознания предпролетариата являются, с одной стороны, как бы отголоском коммунистических проектов периода подъема революции, и в первую очередь «Света, воссиявшего в Бекингемшире» и трактатов Уинстенли, а с другой — несомненно ведут через квэкерские социальные доктрины к Беллерсу и еще дальше — к Спенсу с их проектами социалистического или эгалитарного преобразования общества. Само по себе примечательно, что такое возрождение «элементов социализма», выражаясь словами В. П. Волгина, в сознании демократических низов общества стало возможно только на новом подъеме революционной волны, сопровождавшем установление Второй республики в Англии.

Тематические материалы

В.Васютинский. Оливер Кромвель

В.Васютинский. Реставрация Стюартов

В.Семенов. Левеллеры в английской революции XVII в.

Г.Левин. Из истории демократического движения

в годы английской буржуазной революции XVII в.

Т.Павлова. Уравнительные идеи в политической литературе

Второй английской республики

М.Барг. Генезис идеологии истинных левеллеров

Б.Поршнев. «Вторая Фронда» и Английская республика

Библиотека Vive Liberta

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm